

А.А. ПЕЛИПЕНКО

ИМПЛИКАТИВНЫЙ МИР И КУЛЬТУРА (Часть 1)

Цель цикла статей – обозначить смыслогенетическую трактовку системного понимания макропроцессов культуры в контексте ее сопряжения с миром, трансцендентным человеческому опыту. Предлагается парадигма нерелигиозной и немистической интерпретации комплекса представлений об «ином» мире, а также концепция психосферы и медиативной сущности культуры. В первой статье дается определенное методологических оснований и вводятся ключевые термины и понятия.

The aim of the series of articles is to define the sensogenetic interpretation of the systemic understanding of macro-processes of culture in the context of its conjugation with the world, as transcendent to human experience. The proposed paradigm is neither religious nor mystical in its interpretation of the representations of the “other” world. The concept of psycho-sphere and mediative essence of culture are also considered in the first article which defines the methodological grounds and introduces the key terms and notions.

Ключевые слова: психосфера, имплицативный мир, медиация, интенциональность, когерентность, каузальность.

Keywords: psycho-sphere, implicate order, mediation, intentionality, coherence, causality

Науки о культуре и кризис механистического рационализма

Необходимость поиска новой парадигматики в теории культуры продиктована по меньшей мере двумя обстоятельствами. Первое – слабая и заторможенная реакция гуманитарных наук на общий кризис механистического рационализма и присущей ему методологии. В результате науки о культуре оказываются бессильны интерпретировать явления, проявляющиеся за пределами узких региональных дискурсов, не говоря уже о том, чтобы объяснить все то многое в культуре в целом, что не может быть объяснено из нее самой. Второе обстоятельство, на первый взгляд, более частное. Речь идет об огромном массиве материала, традиционно игнорируемом академической наукой и отданной на откуп мистикам, эзотерикам, оккультистам, представителям паранауки, шарлатанам и т.п. Боясь отлучения от науки, серьезные ученые дорожат своим репутацией и предпочитают «не связываться», мягко увильывая от вопроса об онтологической природе означенного материала, сводя все к разговорам о «представлениях». Время от времени они проговариваются: в этом-де «что-то есть» и что внерациональные способы познания тоже содержат в себе некое зерно. Но далее мириться с этими мифологическими по сути табуациями нельзя. Придется связываться.

Пелипенко Андрей Анатольевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора теории социокультурных процессов и систем Российского института культурологии (Москва). E-mail: demoped@yandex.ru.

В поисках точек опоры в полемике с механистическим рационализмом культуролог не может пойти самым простым и накатанным путем: апеллировать к религиозным и мистическим учениям прошлого. Такая аргументация просто не будет принята противоположной стороной. Верным здесь может быть лишь обращение к тем областям науки, которую академический мир считает своей законной территорией. Или, иными словами, надо обратиться к тем областям признанной науки, где позиции механистического рационализма с очевидностью разгромлены. Для меня такими областями являются прежде всего современная квантовая механика и космология и трансперсональная психология (ТП). Причем если в отношении последней еще можно встретить брезгливо-пренебрежительное отторжение, то в отношении квантовой физики такое уже давно никто себе позволить не может.

С легкой руки Ф. Капры [2] читающей публике была представлена целая серия сходных по подходу книг (см. прим. 1). Как правило, автор начинает с ритуального запева о том, что современный мир (или человек) отпал-де от космического единства (Бога, Природы, Истины, Высшего Разума и т.д. и т.п.) и погряз в бездне эгоистического отпадения. А потому дела его плохи. Далее с той или иной мерой подробности и корректности излагаются основы квантовой механики, а затем без особых церемоний перебрасывается мостик к духовным, религиозным или квазирелигиозным учениям. Таковыми, в зависимости от предпочтений автора, могут оказаться и буддизм, и индуизм, и веданта, и даосизм, и герметизм, и эзотерическое христианство, и др.

Я же принципиально не стану апеллировать к холистическим идеям осевой эпохи (главным образом Индии и Китая), действительно с удивительной точностью корреспондирующим с современными квантовыми представлениями. И не только потому, что такие сопоставления, вне проблемы герменевтики древних текстов, в большинстве случаев выглядят легковесно и не вполне научно, а скорее потому, что сам феномен возможностей постижения глубинных основ мироздания, открывшийся интеллекту осевого времени, наполовину отпавшему от древних холистических интуиций и впервые благодаря пробуждению дискурсивного мышления обретший возможность облечь эти интуиции в относительно ясные текстовые формы, заслуживает особого внимания и отдельного культурологического анализа. К тому же у меня нет желания становиться в один ряд с авторами паранаучных и откровенно «попсовых» изданий, с легкостью необыкновенной выдающими плохо понятые сентенции мыслителей двухтысячелетней (а то и больше) давности и их современных последователей за истину в последней инстанции. (Это замечание отчасти относится и к упомянутой книге Ф. Капры, хотя на фоне многих подобных изданий она — едва ли не образец научной корректности.)

«Натурфилософские» выводы из квантовой космологии

Итак, каким же образом можно опереться на квантовые представления в попытках понять сущность культуры «не из нее самой»?

Если исходить из теории Большого взрыва и пульсирующей Вселенной (а оснований для этого вроде бы достаточно), наиболее фундаментальным динамическим началом доступной нашему пониманию реальности оказывается дуализм *интеграции (генерализации)* и *дезинтеграции (фрагментации, локализации)*. (Разумеется, речь не идет о простом редуцировании всех процессов Вселенной к этому дуализму, а все-

го лишь об одном из процессуальных аспектов ее жизни.) Но важность именно этого аспекта для нашей реальности первостепенна.

Соединяясь в ритмических пульсациях, эти противонаправленные силы организуют все доступные нашему восприятию процессы во Вселенной. Заданные импульсом Большого взрыва процессы разбегания, дивергенции, сепарирования, радиации сдерживаются и компенсируются действием сил «реликтового» единства, «памятью» о первичном не-дуально-целостном бытии (если сингулярное состояние можно назвать бытием). Интегративные силы устремлены к преодолению фрагментации и возврату Вселенной в холономное состояние.

Борьба между этими силами пронизывает все уровни существования, инициируя процессы возникновения и развития систем. Контрапункт интегративных и дезинтегративных сил рождает дуализм двух типов связей: *когерентных и каузальных*, которые в своем диалектическом взаимодействии образуют два поляризующих между собой модуса реальности. Пересекаясь, они отражаются друг в друге благодаря вовлеченности в общие ритмические отношения.

Понятие когерентности здесь трактуется в смысле, приближенном к первоначальному: *co-haerentia* – внутренняя связь. Под когерентией понимается независимая от времени, а на высоком уровне абстрагирования – и от пространства корреляция/согласование онтологических модусов любого рода объектов/явлений, берущая начало от уровня квантовых состояний, а возможно, и глубже. В своей атемпоральности когерентия противостоит каузальности как связи, развернутой во времени. То есть если под каузальностью понимается причинно-следственная связь явлений, то под когерентностью – вневременная, акаузальная корреспонденция, которую можно назвать чем-то вроде *со-пребывания* или *со-осуществления* (см. прим. 2).

Пронизывающая Вселенную *ритмическая согласованность* – это вынужденная замена утраченного в результате Большого взрыва холономного единства. Благодаря ритмическим скрепам всеобщей когерентии фрагментарность и автономность «разбегающихся» онтологий всегда оказывается относительной, неполной. Так, «реликтовая память» о холономном состоянии, «предшествующем» Большому взрыву, указывает на модус бытия, определяемый интегративно-центростремительной силой. Говоря о центростремительности, я не имею в виду стремление к некоему точно фиксированному во времени и пространстве центру. Речь идет о присущей всем локальным образованиям во Вселенной интенции к центробразованию, т.е. структурированию по принципу *центр – периферия*, где фокус интенциональных связей (центр) уравнивает силы разбегания и бесконечного дробления. (Постмодернистскую уловку о том, что центр-де не является элементом структуры, комментировать не буду.) Процесс фокусировки здесь может быть представлен на основе картины образования интерференционных паттернов – точек «турбуленции», возникающих в результате столкновения и наложения частотных волн и рождающих тем самым из интенционального «*ничто*» субстанциональное *нечто*. Образующиеся в таких точках относительно устойчивые во времени «вихри» располагаются в интерференционный узор – точечный косяк будущей структуры.

Интенциональность по сути своей соприродна волновым колебаниям, а возникновение дискретных образований элементов структуры – интерференционному эффекту. Однако погружаться в анализ этих аналогий нет необходимости. Главное – не упустить из виду гомоморфность процессов, протекающих на разных уровнях реальности.

Флуктуации процессов фрагментирования по отношению к центру образуют периферию. Центр — это сгусток интенций/энергий, который за счет их силы и концентрации набирает достаточный «вес» для того, чтобы самому (вот основа всякой самости) начать испускать пучки преобразованных в своем интерференционном паттерне интенций и тем самым превратиться в *ядерный элемент* организующейся в «диалоге» интенций структуры. Устанавливаемая при этом устойчивая иерархическая связь по принципу «доминирование — подчинение» обуславливается тем, что интенции, испускаемые из ядерного элемента (центра), привязывают к себе элементы периферии, как бы «навязывая» им ту или иную онтологическую или функциональную модальность, пронизывая, облучая их и отчасти подавляя, ограничивая их собственную имманентность. Так, в частности, человеческие эмоции, как пучки интенциональных энергий, воздействуют на удаленные объекты, например, как подтверждено опытами, на молекулы ДНК [4, 590].

Интенция центрообразования действует и на микроуровнях, где само вещество обнаруживает свою иллюзорность. Механистическая картина мира, согласно которой «твердые кусочки» вещества разбросаны в пустоте, давно опровергнута квантовой физикой. Здесь центр, как уже было сказано, — это сгусток энергии, энергетический узел поля. Таким образом, любого рода связи и отношения в своей глубинной природе суть проявления чистой интенциональности, лежащей в основе сущего, и лишь актуализация ее в становлении структур рождает всякого рода онтологию. Здесь обнаруживается чрезвычайно важная с точки зрения всего последующего изложения переключка с концепцией В. Гейзенберга и В.А. Фока, согласно которой квантовое явление скрывает субстанцию более глубокого порядка, чем субстанция наличного существования. Это «субстанция субстанции» суть чистая интенция (потенция, возможность), направленность на существование.

Первичность интенциональности по отношению к субстанции объясняется тем, что первая есть незавершенная онтология, нечто располагающееся между неким «намерением», чистой устремленностью и наличным локальным исполнением в материале. Любой «чтойности», т.е. онтологической определенности, предшествует направленность в ее сторону интенционального вектора, потенциально способного реализоваться в наборе вариантов, один из которых, воплощаясь, рождает онтологию сущего. Интенциональность, таким образом, связывает потенциально-вероятностный и онтологический планы бытия, будучи соприродна и сопричастна им обоим. Под этим углом зрения онтология как таковая представляется концентрацией интенций, точкой пересечения (интерференцией) несовпадающих направленностей, которая именно ввиду этих несовпадений «притормаживается» и фиксируется в виде субстанции. Иными словами, фокусирование интенциональных векторов рождает некую относительно константную их диспозицию, которая и образует основу внутренней конфигурации всякой вещи. Но физическая конечность («замкнутость» вещи, «окончателность» ее эмпирической оболочки) не останавливает ее внутреннюю интенциональную динамику: не только любые референции о цели или функции вещи, но и даже дрейф смысла под ее внешней оболочкой — проявления неостановимого самодвижения интенциональных энергий, в чей космический танец вовлечены все вещи и структуры, включая и психический аппарат сознания.

Схематизируя, можно сказать, что потенциальное и холономно-нерасчлененное бытие, эксплицируясь из свернутого мира тотальной когерентности и осуще-

ствляясь в мире эмпирическом, оказывается «расплюснутым» и разъятым во времени. А силой, сохраняющей взаимоотношение темпорально разъятого со-осуществления и есть *интенциональность*. Эти представления в целом согласуются с теорией *бутстрапа* (bootstrap) Дж. Чу и Д. Бома [1; 3], согласно которой Вселенная предстает как голографическая целостность, пребывающая в постоянной динамике сворачивания и разворачивания, т.е. переходов из состояния внутреннего (импликативного) порядка в порядок развернутый, эксплицитный, доступный нашему эмпирическому восприятию. Теория эта, приобретающая все большее число сторонников, действительно в высшей степени эвристична.

Вообще идеи Д. Бома о глубинном холономном уровне реальности и фрактально-голографическом устройстве Вселенной имеют сложную судьбу. Долгое время они рассматривались не более как теоретический казус, однако последующие исследования квантовой запутанности вновь возродили к ним интерес, дополнительно простимулированный открытием Б. Мальдельбротом фрактальной геометрии, описывающей «упорядоченный хаос» природы в образе фрактально-голографического принципа бесконечного вложения самоподобных структур друг в друга. А выводы из теории Бома относительно океана энергии, скрытого за границей пространственно-временного континуума, нашли подтверждение в открытии «темного вещества» и «темной энергии». В современной квантовой космологии складывается теория «скалярного поля», которая объясняет феномен «темной энергии», охватывающий более 70% энергии и массы Вселенной и объясняющий возможную природу физического вакуума. Скалярное поле есть чистое «воплощение» трансцендентного, не имеющее никаких эмпирических проявлений, но в силу своей нелокальности присутствующее везде и во всем в качестве *абсолютной потенциальности*, пустоты, содержащей в себе бесконечную энергию и бесконечный потенциал осуществлений. Теория скалярного поля коррелирует с представлениями о трансцендентном еще и в том отношении, что объясняет мгновенное распространение влияния (в терминах квантовой механики – феномен нелокальности) распространением возмущения скалярного поля. Само возникновение Вселенной в этой системе представлений объясняется мгновенным распространением возмущения скалярного поля, вызванного квантовой флуктуацией. Будучи неизмеримо усилена бесконечной энергией скалярного поля, она и привела к Большому взрыву.

Все это на первый взгляд кажется весьма далеким от наук о культуре. Но это не так. В общеэволюционном аспекте, культуру можно рассматривать как *системно самоорганизованный и саморазвивающийся порядок существования надприродных феноменов*. «Физическим» носителем культуры выступает *ментальная сфера человеческого индивидуума, а структурной единицей – производимый ею СМЫСЛ. Тема смысла, прочем, требует отдельного разговора*.

Как относительно автономная и эволюционирующая система, культура встроена в пирамиду материнских систем: биосистемы, геохимической системы Земли, космологических образований Вселенной. Это значит, что универсальный принцип дуализма когерентного и каузального, потенциального и актуального, холономного и автономного не только неким образом на нее распространяется, но и бесчисленным количеством нитей актуально связывает ее (культуру) с процессами, протекающими в предшествующих ей на лестнице эволюции системах. Исходя из этого, представляется возможным вывести из тени колоссальный пласт реальности, охватыва-

ющий темную, бессознательную и нерелексированную сторону бытия культуры. Некоторые аспекты этой «темной реальности» высвечиваются, когда мы задумываемся над вопросом о том, каким образом протекает процесс медиации между миром свернутого (по Д. Бому) порядка и миром эмпирическим при посредничестве культурного сознания и собственно на территории культуры.

Поясню определения. То, что в терминах Д. Бома называется *имплицативным миром* (порядком), в культурных традициях связывается с миром *иным, запредельным, трансцендентным, тонким, потусторонним, сверхъестественным* и т.п. Эти и другие определения далеко не синонимичны и очень по-разному соотносятся с идеей имплицативной потенциальности. Однако все они, так или иначе, обретаются «где-то рядом», ибо неизменно указывают на такие свойства, как инаковость по отношению к миру физическому и недоступность (или частичную доступность) для обычного человеческого восприятия.

Оговорюсь, что мне не хотелось бы смещать центр проблемы в сторону ожидаемых и надоевших споров о том, существует ли этот мир вообще или нет. Для меня доказательством его существования являются не только теоретические выкладки и экспериментальные данные квантовой механики, но также и весь опыт мировой культуры, ориентированный на постижение этого самого мира. Понимая, что для рафинированного в своем скептицизме и гиперкритицизме современного научно-философского сознания никаких достоверных доказательств существования чего-либо не существует в принципе, а достижение аподиктического знания мерцает романтической мечтой, ценимой исключительно за ее недостижимость. Я принципиально не настаиваю на верности своих аргументов в вопросе об *онтологии* подразумеваемого мира, ибо для адекватного дискурсивного постижения этот мир недосягаем в принципе. В сетку дискурсивных определений можно вписать разве что его косвенные проявления и проекции в мир эмпирический.

Концепция психосферы

Имплицативный мир не дан человеку в непосредственном восприятии, и об этом не следует забывать, увлекаясь спекулятивными умопостроениями на тему его природы. Но опыт культуры говорит о наличии некоей мембраны, связующей ткани, или буферной зоны между имплицативным и эмпирическим мирами.

Сфера, о которой идет речь, представляет собой особенный, «протеистический» срез реальности, фиксируемый научными методами лишь в частных и отдельных своих проявлениях и только в оптике опосредованного осмысления специализированными формами рационалистического сознания. Учитывая заведомую узость фильтров этого сознания, можно уверенно сказать, что большая часть проявлений означенной сферы ускользает от рефлексии, как научной, так и обыденной. При этом различного рода инструменты, повышающие «разрешающую способность», неизбежно оказываются искажающими призмами, через которые просматриваются не столько реалии «того мира» как таковые, сколько привнесенные в них коррективы «отсюда». По-видимому, именно этим вызвано болезненное отторжение данной темы уважаемой академической наукой. Дело не только в том, что в зонах межсистемного сопряжения эволюция наиболее наглядно выявляет свои глубинные механизмы и потому тщательно скрывает их от человеческого постижения. Тайна имплицативного мира сама по себе несравненно масштабнее и экзистенциально важ-

нее для человека, чем даже проблемы переходности. А поскольку амбициозная рационалистическая наука с ее логикой, оперирующей дискретными единицами анализа, неспособна здесь к адекватной рефлексии, то, не желая признавать своего бессилия, она просто отворачивается от проблемы, объявляя ее несуществующей. Кажется это, к сожалению, прежде всего наук о культуре.

Итак, о какой же «буферной зоне» идет речь? *В контексте постановки двойной задачи: построения гипотезы взаимоотношений импликативного и эмпирического миров вообще и выявления характера их соотношения в зоне сопряжения биосистемы и культуры в частности, с необходимостью вводится понятие ПСИХОСФЕРЫ.* Ощущение эвристичности этого понятия носится в воздухе, но его употребление на сегодняшний день весьма произвольно и контекстуально (см. прим. 3), и потому стремление придать ему статус научного термина представляется вполне обоснованным.

Как целое, психосфера не локальна и имманентна Вселенной. Но сейчас в центре интереса будут главным образом проявления психосферы в области сопряжения культуры с эволюционно предшествующей ей «пирамидой систем», и прежде всего с ее материнским лоном — биосистемой. Проявления психосферы за пределами этой области не даны человеку даже в бессознательном восприятии и могут быть умозрительно смоделированы лишь на основе косвенных наблюдений и спекулятивных построений.

Если прямо задать вопрос: ЧТО такое психосфера? — то ответить на него столь же прямо и кратко не удастся. Дело в том, что феномен психосферы восходит к столь глубинным и фундаментальным для человека уровням реальности, что любые языковые определения оказываются неполны, частичны. Психосфера — это и образ пространства, области проявления особого рода явлений и даже в нестрогом смысле, поля. Под другим углом зрения, психосфера — канал связи, устройство фильтрации и преобразования кросс-системных ритмов, сигналов, импульсов Вселенной в воспринимаемые человеком формы или, иными словами, мембрана, преобразующий контур, конвертирующий интенциональные импульсы как эмпирического, так и импликативного мира на «перевалочном пункте»: психика — сознание.

В большинстве своих наблюдаемых проявлений психосфера выступает связующим звеном между биосистемой и культурой и, будучи причастной им обеим, обеспечивает эпигенетическую преемственность макроэволюционного процесса. При этом усложнение когнитивных режимов и семиотических систем культуры последовательно перекрывает каналы прямого психосенсорного восприятия реальности, заменяя последнее все более сложными и многоуровневыми знаково-символическими опосредованиями. Погруженность в широко понимаемую дискурсивность приводит к отчуждению от прямого восприятия и переживания психосферных явлений, за которыми кроются кросс-системные когерентные связи. Связи эти не просто «объект», положенный рационально мыслящему рассудку наподобие дискретной вещи или явления. Это область реальности, которая своим существованием отрицает рационалистический дискурс с его сукцессивно-каузальными зависимостями и построенными на этой основе спекулятивными процедурами. Вот почему рациональная наука интуитивно избегает притрагиваться к этому «Кошечу яйцу».

Обнаружение психосферы в зоне сопряжения биосистемы и культуры являет лишь частный случай глобального медиационного процесса, протекающего на всех онтологических уровнях и во всех системах. Мы же имеем дело лишь с тем «локу-

сом» психосферы, который выявляет всеобщую эмпатическую связь в той ее модальности, которая доступна человеческому восприятию. Модальность эта определяется тем, что материнской системой для культуры выступает биосистема и любые воздействия, исходящие от «нижних» ступеней системно-эволюционной пирамиды обнаруживают себя, лишь будучи пропущены сквозь фильтры биоструктур. Однако нелокальность когерентных связей в том и состоит, что они не знают системных перегородок и пронизывают материал системных образований, лишь преобразуясь (конвертируясь) в нем, меняя лишь формы и модальности. Это значит, что психосферные явления имеют свою основу не в биосистеме как таковой, а всего лишь ею опосредуются. Проходя через смыслообразующий контур человеческой ментальности, они приобретают дополнительный уровень опосредования. Как на предыдущем эволюционном витке всеобщая интенциональная связь преобразовывалась, проходя через «фильтр» нервной системы живого организма, так в ходе следующего вертикального эволюционного перехода – антропогенеза – она прошла через еще одно преобразующее «устройство» – становящуюся человеческую ментальность, сохранив при этом свою субстанциональную основу. Это утверждение, однако, по понятным причинам в принципе невозможно обосновать и доказать логически.

От опосредующих фильтров не свободно ни психосенсорное восприятие, ни акты культурного сознания. Однако прямое восприятие психосферных явлений в обход сознания в принципе возможно, но для оформления полученного в результате такого восприятия опыта (достигаемого, как правило, на путях измененных состояний сознания (ИСС)) без культурных кодов и, следовательно, участия сознания не обойтись. Вождеденное для всех без исключения эпох прямое восприятие, дающее, соответственно, и прямое знание-переживание обо всех уровнях реальности в обход культурного сознания с его отчуждающими фильтрами, остается своего рода «черным ходом», «атавизмом», который Культура старательно преодолевает, но никогда не может победить до конца. Неслучайно взлеты спиритуализма и прорывы к прямому интуитивно-холистическому мировосприятию происходят, как правило, в переходные и кризисные эпохи, когда нормативность традиционных кодификаций ослабевает и культурное сознание частично освобождается от диктатуры знака.

Впрочем, полностью перекрыть каналы «подглядывания» в имплицативный мир через психосферу никогда культуре не удастся. Но она стремится взять под максимальный контроль получаемый в результате таких включений опыт, втиснуть и упаковать его в легитимные знаковые формы, «оттягивающие» на себя энергию прямого экзистенциального переживания. В ходе этого опосредования левополушарные в своей нейрофизиологической основе когнитивные практики подменяют в конце концов прямое довербально-интуитивное знание вторично сконструированным семиотическим эквивалентом-суррогатом, который, постепенно выходя на главенствующую позицию, становится и способом, и самим содержанием самоопределения человеческой идентичности, как коллективной, так и индивидуальной. Причем почти полная победа такого положения дел сложилась в истории лишь однажды и в одном месте: в культуре европейского Модерна и на его периферии.

Во всех иных культурах психосферные явления, отвергаемые европейской рационалистической наукой, понимаются как естественная и неоспоримая часть бытия, тогда как для европейского интеллекта означенный суррогат – единственная форма достижения достоверного знания.

Человек и культура самоопределяются и коэволюционируют в процессе медиации импликативного и эмпирического миров через взаимопричастность к психосфере и психосферным явлениям. Но психосфера существует не сама по себе, как изначально пустое и затем наполняемое чем-либо пространство. Как модальность всеобщей кросс-системной связи, она *онтологически конституируется* за счет разворачивания ментальных и культурных практик человека. При этом вопрос о первичности и вторичности неуместен: было бы странно, если бы здесь работали простые причинно-следственные зависимости. Иными словами, та модальность психосферы, которая способна восприниматься человеком, вызывается к актуальному бытию только посредством человеческой же ментальной активности.

Картина осложняется еще и тем, что психосфера не имеет и не может иметь ясно очерченных границ. Психизм как проявление интенциональных воздействий на основе универсальной (нелокальной) эмпатической связи присущ (и это не мистика!) всем структурам Вселенной, включая неорганические образования, живые организмы и отдельные группы клеток. Проявления психизма наблюдают также и в «поведении» групп атомов и квантовых объектов. (Иногда это спешат объявить проявлениями субъектности.) Все это тоже имеет отношение к психосфере, хотя с человеческой позиции может показаться лишь ее преддверием; ведь только в человеческом мире, мире культуры достигается такой уровень автономности и отпадения структур от всеобщей связи, что требует качественно иного уровня и характера медиации. *Эволюционная перестройка природного психизма на такую медиацию и порождает психосферу в ее собственно человеческом измерении и в границах, охватываемых человеческим восприятием.*

Для построения гипотезы психосферы необходимо и достаточно иметь смелость отказаться от изначального согласования ее базовых предпосылок с имеющимися научными парадигмами (хочется сказать предрассудками) и принять за основу сумму ее прямых и косвенных проявлений, которые общепринятые научные теории не объясняют. Причем проявления эти не относятся исключительно к сфере психического в узком его понимании. Они имеют отношение ко всем аспектам человеческого бытия. Психика – лишь принимающее и перерабатывающее (кодирующее и декодирующее) устройство, чувствилище, способное в том или ином диапазоне воспринимать, переживать и фиксировать проявления психосферы (см. прим. 4).

Когда речь заходит о магических, мифологических, религиозно-символических и т.п. сферах, разговор, как правило, сводится к обсуждению «представлений», уходя от сакраментального вопроса об их онтологических основаниях. При этом сами «представления» чаще всего рассматриваются как нечто надстроечное, необязательное, добавленное к «базовым стратегиям жизнеобеспечения», которые в своей рационально-утилитарно-социально-технологической самодостаточности высются над всяческими «фантастическими измышлениями о сверхъестественном». И даже в специальных работах по этнографии, религиоведению и фольклористике авторы, как правило, склонны «объяснять» этот колоссальный по своему объему и значению класс явлений иррационализмом вненаучных форм сознания, слепой верой и т.п. Хотя во «внерациональных» сферах теперь не видят на манер XIX в. лишь необязательный «духовно-мистический придаток» цивилизации, но роль и значение их в общекультурном контексте остаются непроясненными и потому недооцененными. Так будет продолжаться до тех пор, пока речь будет идти о «представлениях», а не о

реалиях. (Казуистическую уловку о том, что никаких реалий нет вообще, а есть только представления, обсуждать не будем.)

Здесь конечно же возникает искушение в русле культурологического анализа раскопать корни упорного нежелания академической науки работать с «паранормальным» материалом и разбираться в переходных процессах с их неподатливыми межсистемными «прослойками». Ведь дело здесь не только в ограниченности формально-логической гносеологии и эмпиризме как основе доказательности. Отложим, однако, этот анализ на будущее и займемся куда более неблагоприятным делом: построением гипотез по поводу самой сути вопроса. Сколь безумными ни выглядели бы эти гипотезы с позиций академической науки, строить их необходимо не только из общих соображений: как известно, плохая гипотеза лучше отсутствия какого-либо объяснения вообще.

Целый ряд важнейших для наук о культуре вопросов: внесемиотические формы и каналы трансляции культурно-исторического опыта, режимы саморегуляции ментальных и социокультурных систем, причины «эпидемий идей» и прямого (внезакового) их распространения, проблема пресловутого биополя, природа так называемых паранормальных явлений и многое другое, не говоря уже о важнейшей для данного исследования теме смыслогенеза, требует пусть гипотетической, но ясно сформулированной теоретической позиции.

Нельзя сказать, что этими вопросами вовсе не занимаются. В отдельных областях делаются внушительные прорывы. Но в силу узкой специализации частным наукам остро недостает синтезирующих оснований, и потому им часто приходится переоткрывать в своих областях то, что уже давно известно в других. И если к неудобным открытиям в отдельных сферах академическое сообщество относится с той или иной мерой снисходительности, то с возможностью их теоретического синтеза она борется, как в свое время ортодоксальное богословие боролось с ересью. Если заговор молчания вокруг табуированных тем и концепций нарушается, то в ход идет отлучение от науки и навешивание ярлыков. В ответ противники узкодисциплинарных и сциентистско-рационалистических подходов занимают фрондерски ниспровергательскую позицию, призывая к пересмотру основ даже в области обычной физической реальности, и научная полемика перерастает в идеологическое противостояние.

При этом нелегкая задача построения общей теории «паранормального» в междисциплинарном пространстве осложняется еще и тем, что и означенная междисциплинарность, и сам характер исследуемого материала требуют принципиально иных критериев верификации результатов экспериментов, нежели те, что приняты на сегодняшний день в рационалистической науке. Притом что психосферные явления ведут себя явно не так, как объекты классической физики, подход к ним может быть описан иронической фразой А. Маслоу: «Если у вас есть только молоток, вы подходите ко всему, как если бы это был гвоздь». Задача выработки принципиально иных критериев верификации, по существу, еще даже не поставлена, хотя именно с нее должно начинаться разворачивание методологии и парадигматики пострационалистической науки.

В этом смысле заслуживают внимания идеи А. Хокарта о том, что на пути к созданию общей теории экстрасенсорной перцепции (ЭСП) следует опираться на семиотический подход косвенных доказательств, наподобие того, как это делается в криминалистике. Если рационалистическая наука не видит самого явления, то ос-

тается предъявить ей такие его следы, которые она не сможет игнорировать [5]. Кроме того, для верификации результатов таких экспериментов требуется совершенно иная сетка критериев и условий. Ведь последние не являются чем-то абсолютным, а вытекают из парадигматики научного дискурса. Так, в рационалистической науке не принято учитывать такие факторы, как эмоциональное состояние участников эксперимента и место его проведения, ибо пространство понимается как нечто однородное, и другие обстоятельства, сам факт влияния которых на результат эксперимента априорно отвергается. А между тем именно фактор психических настроек играет здесь первостепенную роль.

Психосферные явления

Итак, обратимся к комплексу проявлений межсистемной медиации, для прояснения природы которой вводится концепт психосферы:

- экстрасенсорная перцепция (ЭСП) (феномены восприятия);
- психокенез (феномены дистанционного физического воздействия);
- феномен психофизического дуализма – субстанциональная несводимость льюбо отдельно взятого феномена к его эмпирической «оболочке».

Наиболее значимым проявлением этого дуализма в Культуре (разумеется, с определенного исторического времени) выступает проблема *души*.

Употребление этого понятия в данном контексте следует пояснить. Обращаясь к проблеме души, мы сталкиваемся не только с проблемой «ненаучности» самого этого термина; здесь можно было бы найти понимание хотя бы у философов и психоаналитиков. Более серьезная проблема заключается в том, что общепринятые представления о душе в научном и околонучном гуманитарном дискурсе почти всегда видятся в оптике традиционного для европейского интеллекта религиозно-философского дуализма души и тела. Начатая орфиками, эта тема достигла апогея в христианской антропологии и затем явила себя в разнообразных философских дуализмах: материализма и идеализма, бихевиоризма и ментализма и т.д. Можно, разумеется, язвительно критиковать дуалистическую картину мира как очередной научно-философский миф, не задаваясь вопросом об объективных основаниях, на которых он зиждется. Можно уличать дуалистические методологии в механистичности, но нельзя под предлогом борьбы с ней отменить сам принцип дуализма или умалить его универсальность.

Так, необходимость осмысления множественности «душ» у первобытного человека, разумеется, не укладывается в христианско-картезианские модели, но при этом отнюдь не отменяет сам дуалистический принцип описания. В этом смысле христианский и картезианский дуализм души и тела — это всего лишь развитие и доведение до логического конца тех форм психофизического дуализма, который явственно проявлялся еще в первобытности. Есть все основания допустить, что здесь мы имеем дело не только с развитием представлений о действительном и метафизически неизменном положении вещей, но и наблюдаем процесс реальных эволюционных изменений в области психических конституций человека.

То, что термин «душа», как и термин «анимизм», неадекватен для описания первобытной культуры, было ясно еще во времена Леви-Брюля и Мосса. Но более подходящего термина с тех пор так и не найдено. И «жизненная сила», и «энергия», и «сакральность», и «витальность» и т.п. термины не охватывают всей полноты содержания феномена, особенно с учетом его исторического и, в чем я твердо убежден,

психофизического изменения. Иными словами, как архаические представления о психических «эквивалентах» различных аспектов фрагментированного человеческого Я, так и представления о «монолитной» психической субстанции — душе — в монотеизме отражают не просто «представления», а действительное положение дел. Потому, не притязая на терминологическую строгость, я буду использовать вместо термина *душа* термин *психический субстрат*.

Итак, ЭСП включает в себя такие проявления, как:

— *ясновидение* — перцепция удаленных объектов или явлений без участия каналов обычного чувственного восприятия;

— *телепатия* — считывание мыслей (мыслеформ) и психических образов без участия сенсорных каналов;

— *эффект прямого знания* — универсально распространенный в культуре феномен внезапной перцепции, проявляемой также и на нелокальном уровне, т.е. в отношении объектов, недоступных эмпирическому восприятию;

— *невербальная суггестия* — в терминах экологической этологии — невербальный гипноз;

— *индуцируемые состояния* и «эпидемии идей» — феномен бессознательной массовой или групповой (не говоря уже об индивидуальной) вовлеченности в поле психических воздействий определенного характера (как частный случай — идей определенного содержания) и сверхзависимости от последних вопреки любым рациональным противодействиям в виде осознания своих убеждений, интересов и т.п.

«Эпидемии идей» с их наиболее яркими воплощениями в виде массовых психозов были бы не более чем частным проявлением психосферы, если бы при чуть более пристальном взгляде не становилось очевидно, что глубинная экзистенциальная зависимость человека от тех или иных смысловых комплексов является его универсальной культурно-антропологической и метаисторической характеристикой. Со своей стороны, и психиатрия признает, что склонность к индукции — неустранимое антропологическое свойство человека;

— *эйдетизм* — особый режим перцепции, переживания и воспроизведения информации, основанный на «атавистическом» правополушарном «схватывании гештальтов» с предметно-галлюцинаторной остротой и точностью.

В этот, обладающий глубоким внутренним родством комплекс феноменов включаются также и различного рода внетелесные переживания, медиумизм, реинкарнационные перцепции (см. прим. 5) и разнообразные комбинации и разновидности всех вышеперечисленных проявлений;

— *прекогниция* — предвидение (предсказание) будущего, главным образом в режимах ИСС — снах, трансовых состояниях и иных формах визионерского опыта;

— *ретрокогниция* — перцепция событий прошлого, недоступных по каналам обычного знания.

Психокинез (телекинез, психоэнергетика) — воздействие сознания (хотя и не в меньшей степени бессознательной сферы человека) на физическую, биологическую или физиологическую систему. Здесь важно отметить, что явным образом выбивающиеся из обыденных представлений о психических возможностях человека проявления психокинеза — это *не более чем видимая и притом ничтожно малая часть континуума взаимодействий, осуществляемых по каналам психосферной медиации*. Исследование этой сферы уместно было бы начать с микроуровней и явлений, анало-

гичных приведенному примеру о воздействии человеческих эмоций на молекулу ДНК. Сферой проявления психокенеза выступают прежде всего магические практики, широко и разнообразно представленные во всех без исключения культурных системах. Кроме того, в современности описываются и исследуются психокинетические эффекты, не имеющие отношения к магическим традициям.

Заниматься подробной систематикой и классификацией феноменов ЭСП и психокенеза в данном контексте не имеет смысла; нас интересуют не формальные классификации, не рационалистическое объяснение этих феноменов в рамках принятых научных парадигм и не отношения этих феноменов друг к другу, а эскизное построение общей для них всех модели теоретической интерпретации. Поэтому установление внутреннего родства этих феноменов представляется более важным, чем классификации по внешним проявлениям.

Кроме того, за рамками рассмотрения окажутся и разнообразные виды психических расстройств: галлюцинаторно-бредовые синдромы, патологическое фантазирование, парафренические состояния, массовые психозы и другие психопатические патологии, границы которых с ЭСП часто предстают весьма размытыми. Эти феномены, фрагментарно попадая по ходу исследования в поле нашего интереса, будут рассматриваться не со стороны психиатрии, а исключительно как ментально-культурные феномены.

За пределами сферы психического, в его общепринятом и узком понимании (впрочем, общепринятых представлений о психике тоже не существует), лежит и возникновение в ментальном и культурном пространстве своеобразных «узлов притяжения» — дискретных агентов незримых когерентных связей, которые выделяются и «просвечивают» в эмпирическом мире за счет более высокого уровня вероятности их осуществления в нем. (Здесь напрашивается некоторая аналогия с синергетическим понятием аттрактора, которая, впрочем, не является обязательной. Вообще, нижеследующая модель представляет собой не столько полемическую альтернативу синергетике, сколько взгляд на самоорганизационные процессы в несколько ином ракурсе.)

И последнее. Чем сложнее структурная организация культурной системы, тем многослойнее ментальность ее носителя — человека. Это значит, что режим и глубина погружения человека в психосферу не могут быть выражены какой-либо раз и навсегда данной формулой. Каждый из слоев ментальности располагает свои набором настроек и инструментов, налаживая свой собственный репертуар психосферной медиации. Вот почему человек современной культуры может в одном секторе своей ментальности быть «эйдетиком» и чуть ли не визионером, а в другом — последовательным рационалистом.

Итак, чтобы рассмотреть означенные явления в рамках единой гипотезы, необходимо представить себе механизм (неподходящее слово!) медиации между импликативным и эмпирическим мирами, проявляющими себя через явления психосферы. Этому и будут посвящены следующие две статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бом Д. Квантовая теория. М., 1961
2. Капра Ф. Дао физики. София, 2008.
3. Bohm D., Hiley B. On the Intuitive Understanding of Nonlocality as Implied by Quantum Theory // Foundation of Physics. Vol. 5. 1975. P. 93-109.

4. *Silvertooth E. W.* Spectral Relativity // Nature. Vol. 322 (14 August, 1986).

5. *Hocart A. M.* The Lifegiving myth and other essays. L., 1970.

Примечания

1. См., напр.: *Госвами А.* Самосознающая Вселенная. М., 2008; *Заречный М.* Квантово-мистическая картина мира. М., 2007.

2. Если оставить в стороне современную теоретическую физику, то в сфере гуманитарной рассмотрение феномена вневременной асинхронной когеренции между психическими процессами и событиями физического мира находим в поздних работах Юнга. Впрочем, без влияния физики не обошлось и там. К теме синхронизмов по Юнгу мы еще обратимся далее.

3. Так, в русле попыток системной иерархизации всех паранормальных явлений говорят о трехступенной психосфере, погружение в которую достигается с помощью особых психотехник. См., напр.: *Meck G. W.* Healing and the Healing Process. Madras, 1977, и др. В оккультных, паранаучных и т.н. эзотерических сочинениях понятие психосферы встречается нередко и трактуется весьма широко и расплывчато. При этом наблюдается тенденция к проникновению этого понятия и в собственно научный обиход. Так, в частности, психосфера трактуется как «неразрывное единство психики совокупного человечества и окружающей энергоинформационной среды в их постоянном взаимопроникновении, взаимодействии и развитии» (А.Ю. Арапов и А.Г. Ли.).

4. О человеческом мозге как о принимающем устройстве см.: *Pribram K.* The Holographic Hypothesis of brain Functioning // *Grof S.* (ed). Ancient Wisdom Science. New York, 1984. P. 178; *Pribram K.* Behaviorism, Phenomenology and Holism // The Metaphors of Consciousness / Ed. P.S. Valle, R. von Eckartsberg. Plenum Press, 1981. P. 148.

5. Помимо известных ЛСД-сеансов С. Профа, здесь можно отметить т.н. эффект Хупкоса, состоящий в психической актуализации следов прежних рождений в состоянии медитативного транса. См.: *Hupkas P.* I have many lives. Oxford, 1979.